

Гоудань еще только раздумывал, как лучше поступить, когда к нему заглянул Янь Дунсуй и предложил в воскресенье сыграть в баскетбол. Поразмыслив, Гоудань согласился: выпустить лишний пар и размяться сейчас было самым милым делом. На том они и сошлись, выбрав время.

Выкроив свободную минуту, он рассказал об этом Ван Сюаню и позвал его с собой.

Раз уж Янь Дунсуй принял Гоуданя, бывшего для него пришельцем из другого мира, в свой круг, то и его друзья волей-неволей признали Ван Сюаня. В назначенное время Дунсуй привел приятелей прямо в Пекинский университет. Чэн Шу и Чжан Цзюньминь тоже подтянули своих ребят, так что на баскетбольной площадке собралась внушительная компания.

На соседних кортах тоже стучали мячами, но, заметив, как оживленно становится на угловой, считавшейся здесь «своей», площадке, ребята побросали игру и потянулись поближе — поглазеть на зрелище. Компания Дунсюя обычно никого постороннего к игре не подпускала, но стоять у края площадки и смотреть не запрещала никому.

Быстро разделились по жребию. Молодые, сильные, полные юношеского задора — от такой жесткой контактной игры у любого кровь закипит в жилах. А поскольку все играли отменно, удовольствие получали не только сами парни, но и собравшаяся вокруг толпа, которая мгновенно заразилась их азартом.

— Ли Кай, вперед! — кричали из толпы.

— Давай, Лао Чэн, жми!

— Пасуй, пасуй! Ого, ничего себе, бросок сверху!

На площадке развернулась настоящая битва за мяч, а зрители на трибунах вовсю надрывали глотки. Гоудань обожал такие жесткие, силовые состязания. Сказать по правде, его совершенно не пугали игры, где требовалось мериться выносливостью и крепостью мышц — в этом деле он мог дать фору любому.

Пока Гоудань ловил кураж и наслаждался игрой, его соперникам приходилось несладко. Стоило им нацелиться на кольцо, как Ли Кай коршуном взмывал в воздух, намертво перехватывая мяч в полете. Попытки разыграть пас тоже разбивались о его защиту: он читал любую передачу, а те, кто пробовал взять его в клещи, просто физически не могли совладать с его скоростью и дикой мощью.

Когда игра наконец завершилась, все парни едва стояли на ногах, согнувшись пополам и тяжело переводя дыхание. Один лишь Гоудань, казалось, ничуть не утомился — он как ни в чем не бывало продолжал отрабатывать дальние броски.

— Ну ты и зверюга, — выдохнул Чэн Шу, утирая катящийся градом пот и тяжело дыша пересохшим ртом. Он торопливо откупорил бутылку с водой и жадно сделал несколько больших глотков. — С такой-то дышалкой и выносливостью — и не захотеть в армию! Кошунство какое-то.

Всем — и вымотанным соперникам, и обступившей площадку толпе зевак — стало предельно ясно: этот второкурсник с экономического, Ли Кай, не просто отлично владеет мячом, у него поразительное телосложение и координация.

Тяжелее всего пришлось Ван Сюаню. С тех пор как в старших классах началась подготовка к экзаменам, он почти не занимался спортом, так что беготня наравне с этими крепкими парнями едва не лишила его чувств. Еще парочка таких же не привыкших к нагрузкам бедолаг еле волочили ноги. Кое-как добравшись до университетской бани, они с наслаждением залезли под горячую воду, отмываясь от пота. После бани мышцы заныли еще сильнее, а все тело сделалось ватным.

Чистые и немного разомлевшие, они всей гурьбой отправились в уличную забегаловку. За сытным обедом разговор потек непринужденно, и недавняя неловкость окончательно исчезла. Прощаясь, ребята обменивались номерами телефонов и адресами, обещая друг другу обязательно повторить игру при первой возможности.

Студенты Пекинского университета дружно потянулись обратно в кампус — близилось время вечерней самоподготовки.

— Ребята, вы с нами? — спросил один из них. — Наши оболтусы наверняка уже придержали нам места в читалке.

В общежитии это было неписаным правилом: если кто-то из комнаты уходил заниматься пораньше, он обязательно занимал столы для остальных.

— Не, мы сегодня в читалку ни ногой, — отмахнулся Чэн Шу. Бросив эту фразу Гоуданю и Ван Сюаню, он увел свою компанию.

— Я тоже пас, — покачал головой Ван Сюань, потирая ноющее плечо. — Смертельно устал, ноги еле держат.

— Ладно уж, горе-спортсмен, — беззлобно поддел его Гоудань. — Тебе полезно почаще разминаться. А то зарылся носом в свои медицинские фолианты, скоро сам на скелет станешь похож.

В мгновение ока Гоудань остался один. Забежав в комнату за сумкой, он отправился в библиотеку, где его уже ждали соседи по общежитию.

На следующий день Гоудань заглянул в общежитие к Ван Сюаню. Заметив, как тот с жалобным криканием преодолевает каждую ступеньку, кривясь от малейшего усилия, Гоудань лишь понимающе хмыкнул. Было ясно как день: вчера после бани А-Сюань поленился хорошенько размять забитые мышцы, и теперь его настигла жестокая крепатура.

— Давай я тебя разомну? — предложил Гоудань, придерживая его под локоть. — Разотрем целебной мазью, завтра уже бегать будешь.

— Ты меня уколошить вздумал? — простонал Ван Сюань, испуганно округлив глаза.

Ван Сюань прекрасно знал: если размять мышцы сразу после тренировки, то боли почти не почувствуешь. Но стоит дать телу остыть и поспать ночь, как любое прикосновение превращается в изощренную пытку. Конечно, если перетерпеть экзекуцию, восстановишься гораздо быстрее, но мало кто решался на такое добровольно — проще было перетерпеть несколько дней тупой ноющей боли.

— А иначе как? — возразил Гоудань. — Смотреть тошно, как ты по ступенькам ковыляешь. Лучше один раз отмучиться, зато потом человеком себя почувствуешь. Из двух зол выбирают меньшее.

Увидев, что Гоудань уже засучивает рукава с самым решительным видом, Ван Сюань нешуточно перепугался.

— Стой, даже не думай! — поспешно замахал он руками. — Я лучше сам, потихоньку... Время лечит!

Ван Сюань прекрасно помнил, какова тяжесть руки Гоуданя. С его медвежьей силой такой массаж обещал стать не лечением, а прямым путем на больничную койку.

Гоудань лишь разочарованно покачал головой. Сменив тему, он рассказал, что только что получил весточку из родных мест, и вкратце пересказал деревенские новости. Болтая о пустяках, они неспешно побрели к корпусу Ван Сюаня — тот двигался медленно, бережно переставляя затекшие ноги.

Видеть мучения друга было выше сил Гоуданя.

— Давай, ложись на кровать, — мягко приказал он, едва они зашли в комнату. — Обещаю, буду аккуратен. У вас ведь через пару дней практический экзамен по наложению хирургических швов. С такими забитыми руками ты и иглу нормально не удержишь, только намучаешься.

Ван Сюань призадумался, признавая правоту его слов, и нехотя сдался:

— Ладно... Но только полегче, договорились?

— Зуб даю, — ухмыльнулся Гоудань, потирая ладони.

Гоудань энергично размял пальцы:

— Снимай рубаху и штаны. Устраивайся поудобнее на животе и жди, сейчас я тобой займусь.

Ван Сюань одарил его таким убийственным взглядом, что Гоудань смущенно кашлянул и принялся чесать затылок. Да уж, брякнул не подумав — прозвучало это действительно с явным двусмысленным намеком.

— Растирка в третьем ящике тумбочки, — глухо отозвался Ван Сюань, пряча лицо в подушку. — Ключ возьми на столе, в подставке для карандашей.

Гоудань послушно отыскал ключ, отпер ящик и извлек на свет темный стеклянный флакон с лечебным снадобьем. Откупорив пробку, он поднес горлышко к носу и поморщился. Он ни на секунду не сомневался в таланте Ван Сюаня — раз уж тот приготовил состав, значит, рецептура выверена идеально и целебный эффект гарантирован. Но пахло это средство, мягко говоря, убойно.

Ван Сюань уже успел стянуть одежду, оставшись в одних хлопковых боксерах, и теперь послушно лежал на животе. Гоудань невольно сглотнул, замороженный открывшейся картиной. Тело друга было удивительно ладным и изящным: еще по-юношески тонкое, но с безупречными пропорциями, гладкой, матовой кожей и красивыми очертаниями крепких мышц.

Сначала Гоудань принялся мягко разминать плечи и спину, чтобы разогреть зажатые ткани, и лишь затем, щедро плеснув на ладони пахучего масла, приступил к глубокому растиранию. Ван Сюань судорожно втянул сквозь зубы воздух. Боль оказалась просто адской.

— Я ведь почти не давяю, — виновато пробормотал Гоудань. — Потерпи, родной, завтра зато летать будешь.

— Меньше слов... — процедил сквозь зубы Ван Сюань. — Давай быстрее. Закончи с этим сразу, а то я сбегу.

Вчерашний матч действительно выжал из Ван Сюаня все соки — резкие ускорения, прыжки и постоянные жесткие столкновения бесследно не проходят. Обычная физкультура никогда бы не довела его до такого состояния. К счастью, Гоудань, долгие годы обучавшийся у Безымянного настоятеля премудростям боевых искусств, прекрасно знал расположение сухожилий и энергетических каналов. Он точно понимал, как нужно воздействовать на зажатые мышцы, чтобы вернуть им былую гибкость.

И потому из комнаты вскоре посыпались самые невероятные звуки:

— А-а-а!..

— Ох...

— Стой,пусти... Ха-ха, больно же!

Ван Сюань то плакал, то истерически хохотал — так всегда бывает, когда разминают глубоко забитые мышцы. От этих жалобных стонов у Гоуданя у самого сердце сжималось, но он не ослаблял хватку. Сантиметр за сантиметром он размял зажатую шею, плечи, тщательно проработал спину вдоль позвоночника, а затем перешел к бедрам и голени, выгоняя скопившуюся усталость.

Соседи по секции, услышав подозрительные вопли, сначала неслабо перепугались и прибежали разузнать, что стряслось. Обнаружив, что Ван Сюань расплачивается за вчерашние спортивные подвиги, а его старый друг Ли Кай усердно втирает ему целебное масло, парни облегченно рассмеялись. Гоуданя здесь давно считали своим — он частенько навещал А-Сюаня и никогда не приходил с пустыми руками, подкармливая вечно голодных студентов домашними припасами. Наблюдая за этой суровой «экзекуцией», зрители лишь сочувственно качали головами и поеживались, мысленно примеряя эту боль на себя. Смеяться над криками Ван Сюаня никому даже в голову не пришло — тут каждый понимал, каково ему сейчас.

Под конец Ван Сюань охрип и совершенно выбился из сил, раскинувшись на постели безвольной тряпичной куклой. Во время массажа он едва дышал от боли, и теперь его тело покрывала испарина. Гоудань смочил полотенце в теплой воде и бережно обтер его с ног до головы. Очистив кожу от остатков масла, он укрыл друга одеялом — и тот, мгновенно расслабившись, сладко засопел, проваливаясь в глубокий сон.

У самого Гоуданя лоб тоже покрылся крупными каплями пота. В процессе массажа, скользя ладонями по шелковистой коже Ван Сюаня и слушая его прерывистое дыхание, он едва сдерживал бушующий внутри пожар. Ему и самому пришлось несладко.

Поправив одеяло, Гоудань заглянул в умывальную комнату, чтобы смыть с рук липкую мазь. Он и сам уже с ног до головы пропах этим ядреным травяным духом.

— Парни, я пойду, — негромко обратился он к соседям Ван Сюаня, заглянув в их комнату. — Как проснется, скажите, что я у себя.

— Без проблем, Ли Кай. Счастливо!

Гоудань кивнул и не спеша покинул студенческое общежитие.

В начале нового семестра студентов больше всего радовало одно обстоятельство: не успели они толком забыть прелести летних каникул, как всего через месяц учебы наступали очередные

длинные выходные — Октябрьские праздники в честь Дня образования КНР.

Конечно, те ребята, чьи семьи жили неподалеку, сразу же засобирались домой. Студенты из дальних провинций, напротив, предпочитали остаться в общежитии, чтобы сэкономить на недешевых железнодорожных билетах. Кое-кто из обеспеченных парней планировал совместные поездки по историческим местам, но большинство студентов из-за безденежья собирались либо отсыпаться в свое удовольствие, наслаждаясь прохладными осенними деньками, либо штурмовать читальные залы.

Гоудань же с Ван Сюанем больше всего пеклись о делах домашних. Судя по письмам и звонкам, их новый просторный дом был практически готов: строители уже закончили возводить коробку, выровняли стены внутри и снаружи и теперь всю белили их известью. Неделю назад Ли Сы по телефону хвастался, что бригада укладывает на крыше гидроизоляцию и монтирует солнцезащитный навес, покрывая его добротной черепицей. Следом по плану шла заливка полов.

Гоудань тогда строго-настрого наказал отцу:

— Пол пока просто залейте ровным слоем цемента. Если потом решим положить хорошую плитку, цементную стяжку будет проще подготовить или подправить.

Ли Сы с авторитетом сына спорить не стал и сразу передал его слова бригадиру Таню.

Судя по всему, к началу Октябрьских праздников все работы должны были завершиться, и останется лишь дать зданию как следует просохнуть. Сухая, ясная осень благоволила строителям — из-за непогоды не случилось ни одной задержки, благодаря чему бетон и штукатурка схватывались намертво, без трещин и швов. Приходилось признать: бригадир Тань действительно знал свое дело и работал на редкость споро.

Гоудань с Ван Сюанем твердо вознамерились лично осмотреть готовый дом и, убедившись в отсутствии брака, полностью рассчитаться с рабочими.

Такую солидную сумму Гоудань побоялся отправлять через отца, решив передать деньги из рук в руки. Поэтому, когда соседи по комнате принялись обсуждать планы на предстоящие праздники, он без колебаний отрезал:

— Я еду домой.

— Ли Кай, сюда! — раздался звонкий голос.

Гоудань обернулся на крик и заметил Янь Дунсюя. Одетый с иголочки в строгий деловой

костюм, тот выглядел весьма солидно и представительно. Растерянно озиравшийся среди толпы Гоудань облегченно выдохнул: знакомое лицо в этой непривычной обстановке подействовало на него успооающе.

Ему удалось просочиться на это закрытое мероприятие исключительно благодаря покровительству Дунсюя, согласившегося взять его с собой в качестве сопровождающего.

Простым людям вход на этот аукцион, где распределялись пригородные столичные земли, был закрыт наглухо.

Когда Гоудань впервые услышал о предстоящих торгах, он буквально лишился дара речи. В стране, где каждая пядь земли безраздельно принадлежала государству и строго делилась на пашни да городские нужды, вдруг заговорили о продаже участков под коммерческую застройку частным предприятиям! Для зарождающегося китайского бизнеса это был не просто шаг вперед — это был колоссальный тектонический сдвиг.

Гоуданю до смерти хотелось взглянуть на это историческое событие своими глазами. Узнав о его любопытстве, Чэн Шу замолвил словечко перед Янь Дунсюем, и тот без лишних расспросов согласился провести парня с собой.

Держась поближе к Янь Дунсюю, Гоудань мало-помалу успокоился, хотя гнетущая атмосфера этого места по-прежнему давила на плечи. Публика вокруг собралась исключительная: именитые коммерсанты, партийная номенклатура и холеные наследники влиятельных столичных династий во втором и третьем поколении. Гоудань никогда не отличался робким десятком и не страдал от комплекса неполноценности, но здесь, посреди этого блистательного собрания, он впервые в жизни отчетливо, почти физически ощутил невидимую, но глухую стену классового неравенства. Он чувствовал себя крошечной дождевой каплей, упавшей в бурный полноводный поток: ни следа не оставишь, ни круга на воде не наметишь — растворишься без остатка в долю секунды.

До того он казался себе ничтожно малым на этом празднике чужой жизни.

<http://bllate.org/book/19654/1996824>